

27 МАР 1948

СОВЕТСКОЕ ИСКУССТВО

г. Москва

4

„Вечно мочаловское“

Н. ВОЛКОВ

О Мочалове когда-нибудь будет написан роман. Когда мысленно вступаешь в круг мочаловской жизни, когда вглядываешься в судьбу, характер и творческий подвиг великого русского трагика, невольно ощущаешь желание выйти за рамки театроведения.

Нет смысла переписывать обширный список ролей Мочалова, которые добросовестнейший биограф трагика А. Ярцев приложил к своей обстоятельной статье. Этот список, вероятно, далеко не полон, хотя он включает в себе 70 названий. Центр этого списка—Шекспир, в трагедиях которого Мочалов играл Гамлета, Ричарда III, Отелло, Ромео, Кориолана, короля Лира, Шиллер с Дон Карлосом, Мортимером в «Марии Стюарт», с Фердинандом, а потом Миллером в «Коварстве и любви», обоими братьями Карлом и Францем Моор в «Разбойниках». Вокруг же этих пьес мирового репертуара какое множество названий отечественных и переводных драм, мелодрам, комедий! Даже есть водевиль «Мочалов в провинции», где Мочалов играл Мочалова.

Может быть одной из самых больших творческих трагедий великого артиста было то, что он не встретил на своем пути того великого русского драматурга, в котором услышал бы родные и близкие ему звуки. Щепкин нашел такие родственные ему души в Гоголе и Грибоедове, Пров Садовский—в Островском. Да, конечно, истинно мочаловской пьесой был лермонтовский «Маскарад», но напрасно он добивался разрешения в течение долгих лет поставить «Маскарад» в свой бенефис. Драма Лермонтова была за семью цензурскими замками. Мочалов так и не сыграл Арбенина...

Однако все то большое и малое, что он играл, он исполнял, как великий русский актер. Русское в Мочалове заключалось, конечно, не в звуках его драгоценнейшего голоса, о котором Белинский написал своего рода стихотворение в прозе, не в сверкании его огненных черных глаз, не в подвижной изменчивой мимике его лица, не в стремительных и бурных движениях, а в той любви к правде и простоте на сцене, которых добивался Мочалов в самых, казалось бы, искусственных и неправдоподобных пьесах. Его реализм был реализмом глубоких переживаний, возвышенных чувств, он, как никто, умел широко и властно раскрывать перед зрителями идейные горизонты шекспировских трагедий.

Русское начало мочаловской натуры не только наполняло его игру, но отчетливо выразилось и в тех стихах-песнях, которые он писал в разные годы жизни. Пусть в стихах он пел о солнце красном, о ветрах буйных, о бурях и грозах, а на сцене грозно восклицал в гриме Ричарда «полцарства за коня», главное было в том, что и на сцене, и в стихах он изливал свою душу. Он жег сердца людей своей игрой потому, что в эти мочаловские минуты сжигалось и его сердце.

Мочалова считали гением по инстинкту, актером «натур». Это мнение справедливо теперь отвергается, как ошибочное. Да, в его игре «были извращения», но все равно для каждой своей роли Мочаловым проделывалась громадная и внутренняя и внешняя работа. Одного таланта было мало для того, чтобы сыграть Отелло и Гамлета, и Мочалов выносил на публику зрелый плод изучения образа, своего понимания воплощаемых характеров. Нет спору, он был актер неровный и были в его исполнении приливы и отливы чувств. Он более, чем кто-либо, знал и страшный недуг творчества—скуку на сцене. И те, кого потрясало его исполнение на репетициях, иногда не унавали его на премьерах.

Вечно мочаловское шло от того, что Мочалов не признавал искусства без душевного содержания, без

П. С. Мочалов в роли Мейнау.

сердечного горения, без стремления познать через творчество жизнь в ее сокровенных основах. По существу, его реализм был очень близок реализму Щепкина, и если в Щепкине мы видим предтечу Станиславского, то таким же предтечей был и Мочалов.

Еще при жизни Мочалова печатались его стихи. В этом отношении любопытен сборничек, напечатанный в 1842 году, на титульном листе которого стоит название «Литературный кабинет», а в подзаголовке указано: «Труды артистов императорских московских театров». В перечислении имен на первом месте стоит Мочалов. И действительно, в сборнике помещен ряд его лучших стихотворений. Но есть еще в этой книжечке любопытная деталь. К сборнику приложен список подписавшихся на книгу, что было в обычае того времени. И вот одним из подписчиков значится А. Н. Островский. Тогда это имя ничего не говорило. Будущему великому драматургу было всего лишь 19 лет и все еще было у него впереди. Но нет сомнения, что юность Островского, как и многих его сверстников, была также озарена гением Мочалова.

Но Островский входил в литературу, когда Мочалов доживал свой последний год, и уже недалек был тот мартовский день, когда поплыл по московским улицам гроб с прахом великого трагика и Москва—студенческая, разночинная—мощным чело-веческим потоком потянулась к Ваганькову, чтобы предать земле того, кто исторгал слезы из глаз, кто был властителем сердец и дум.

С той траурной поры прошло столетие. Но и столетие не погасило в памяти русского театра того могущественного очарования, которое исходит от имени Мочалова. Он встает перед нами, как девятый вал разбушевавшейся морской стихии. Раскрошь том Белинского, страничку его мочаловской статьи, и чувствуешь, как вновь воскресает во всей полноте вечер 22 января 1837 года, когда «пришли мы в Петровский театр на бенефис Мочалова, для которого был назначен «Гамлет» Шекспира, переведенный Н. А. Полевым».

И кажется, что мы видим и самого Белинского, когда склонившись в ночи над белым листом бумаги, он лихорадочно писал: «Честь и слава великому художнику, могучая и глубокая душа которого есть неисчерпаемая сокровищница таких минут, благородность ему!...».

Эти слова повторяют вслед за Белинским и люди нашего поколения в столетний день кончины великого актера-демократа. Но если умер Мочалов, то живым и цветущим остается вечно мочаловское в той многообразной жизни, какой полно искусство советского театра.